Маркиз де Сад

Эрнестина

Маркиз де Сад
Эрнестина

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166684
Маркиз де Сад. Сборник: Продолжение жизни; 2003
ISBN 5-94730-015-X

Аннотация

«После Италии, Англии и России в Европе найдется немного стран, представляющихся мне столь же любопытными, как Швеция. Фантазия моя еще сильнее разыгрывалась от предвкушения встречи со славными краями, некогда породившими Аллариха, Атиллу и Теодориха. Эти истинные герои, увлекшие за собой несметные толпы солдат, сумели разглядеть уязвимость имперского орла, вознамеревшегося простереть свои крылья над миром, и заставили римлян трепетать от страха у самых врат их столицы…»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 13

Маркиз де Сад
Эрнестина

Шведская повесть

После Италии, Англии и России в Европе найдется немного стран, представляющихся мне столь же любопытными, как Швеция. Фантазия моя еще сильнее разыгрывалась от предвкушения встречи со славными краями, некогда породившими Аллариха, Атиллу и Теодориха. Эти истинные герои, увлекшие за собой несметные толпы солдат, сумели разглядеть уязвимость имперского орла, вознамеревшегося простереть свои крылья над миром, и заставили римлян трепетать от страха у самых врат их столицы. Душа моя сгорала от нетерпения вдохновиться пребыванием на родине Густава Ваза, Кристины Августы и Карла XII. Каждый из троих замечателен в своем роде. Первый[1] прославился столь редко встречающейся среди государей мудростью. С достойной почтения дальновидностью он поверг в прах религиозную систему, вступившую в противоречие с верховной властью, которой ей должно подчиняться, а также благосостоянием народа – основой основ всякого государства. Вторая – знаменита величием своей души, предпочетшей чтение и одиночество ложному блеску престола… И, наконец, третий – воинской доблестью своей навеки снискал прозванье «Александр». Итак, воодушевленный столькими притягательными предметами, я с еще большим пылом жаждал увидеть воочию сей достойный мудрый народ, в благородной строгости которого воплотились лучшие черты Севера!

С этим намерением 20 июля 1774 года я выехал из Парижа и, минуя Голландию, Вестфалию и Данию, к середине следующего года добрался до Швеции.

Проведя три месяца в Стокгольме, я живо заинтересовался знаменитыми рудниками. Начитавшись многочисленных описаний этих мест, я воображал, что там меня ожидают всевозможные приключения в духе аббата Прево, наподобие тех, что он включил в первый том своих анекдотов. И надо сказать, надежды мои оказались не напрасными… Но сколь разительно непохожей оказалась моя история на те, что описаны у Прево!

Итак, сначала я направился в Уппсалу. Разделенная на две части рекой Фирис, эта бывшая столица Швеции и теперь признана крупнейшим после Стокгольма городом. Пробыв там три недели, я двинулся в сторону Фалуна – древней колыбели Скифов, чьи одеяния и нравы сохранились и поныне среди жителей столицы Далекарлии. Выехав за пределы Фалуна, я оказался неподалеку от Таперга – одного из крупнейших шведских рудников.

Долгое время рудники являлись главным достоянием шведского государства, пока незаметно не оказались в зависимости от англичан. Местные собственники сделались должниками нации, всегда готовой услужить тем, кого она надеется однажды поглотить, сперва разрушая их торговлю, ослабляя их могущество, а затем предоставляя им кабальные займы.

По прибытии в Таперг мое воображение уже принялось рисовать спуск в подземелье, на жизнь в котором – по прихоти кучки богатых скряг – оказалось обречено столько людей.

Под влиянием недавних впечатлений от Италии я представлял себе эти карьеры похожими на катакомбы Рима и Неаполя. Однако я ошибался – несмотря на огромную глубину, я не обнаружил там уже знакомого мне пугающего безлюдья.

---

[1] Густав Ваза, обнаруживший, что деспотичное и мятежное римское духовенство посягает на права королевской власти, а когда с ним не считаются, разоряет и всячески притесняет народ, ввел в Швеции лютеранство, предварительно вернув народу отнятые у него церковниками богатства. *(Прим. авт.)*

В Уппсале мне порекомендовали весьма образованного проводника. Фалькенейм (так звали этого человека) оказался начитанным и общительным. Он одинаково хорошо говорил на немецком и на английском – именно тех северных языках, на которых я был в состоянии с ним объясняться. Мы оба остановили свой выбор на немецком и таким образом получили возможность беседовать на любые темы. Теперь мне не составляло труда узнать от него анекдот, ставший предметом моего предстоящего рассказа.

С помощью спускового устройства, состоявшего из большой корзины и веревки, мы совершили вполне безопасный спуск на дно рудника. Мгновение спустя мы уже были на глубине ста двадцати туазов ниже уровня земли. Не без удивления я обнаружил там подземные улицы, дома, храмы, постоялые дворы, передвигающихся и работающих людей, полицию, судей, словом, все атрибуты цивилизованного европейского города.

Обойдя все эти своеобразные строения, мы завернули в таверну. Фалькенейм попросил хозяина подать чего-нибудь освежающего. Нам принесли вполне приличное пиво, вяленую рыбу и особый шведский хлеб, замешанный на овсяной муке, какой обычно едят в деревнях, приготовленный с добавлением сосновой и березовой коры вперемешку с соломой и несколькими дикими кореньями. Чего же боле для утоления истинной потребности в еде? Философу, пожелавшему пройти школу жизни, путешествуя по свету, непременно должно приспосабливаться к любому обычаю, к любой религии, к любой погоде, к любому климату, к любому ложу, к любой пище, оставив предрассудки и излишества в удел изнеженным столичным сластолюбцам, чья непристойная роскошь, отнюдь не обусловленная потребностями естественными, каждодневно порождает искусственные, идущие во вред как здоровью, так и кошельку.

Мы уже заканчивали наш скромный обед, когда какой-то рабочий с рудника в плохоньком светлом парике, одетый в синюю куртку и такого же цвета штаны, подошел к Фалькенейму и поздоровался с ним на шведском языке. Мой проводник из уважения ко мне ответил на приветствие по-немецки. Узник (то, что это был каторжник не вызывало никаких сомнений) тотчас перешел на общий для нас троих язык. Смекнув, что в данный момент ход дальнейших событий зависит от меня и безошибочно распознав, откуда я родом, этот несчастный произнес в мой адрес комплимент на безупречном французском, после чего стал справляться у Фалькенейма о новостях из Стокгольма. Заключенный упоминал имена известных придворных, спрашивал о короле. Его свободные и непринужденные манеры заставили меня приглядеться к нему попристальнее. Он спросил Фалькенейма, возможно ли ему надеяться на помилование, на что мой сопровождающий, сочувственно пожав тому руку, дал отрицательный ответ. И каторжанин удалился с опечаленным лицом, несмотря на наши настойчивые приглашения разделить с нами трапезу. Минуту спустя он вернулся и обратился к Фалькенейму с просьбой оказать ему любезность, передав письмо, которое он сейчас напишет. Мой проводник пообещал услужить ему, и узник вышел.

Как только он скрылся, я спросил у Фалькенейма: – Кто этот человек? – Один из самых знатных людей Швеции. – Вы меня заинтриговали.

– Ему необычайно повезло, что он оказался здесь. Милость нашего государя может быть сравнима лишь с великодушием Августа по отношению к Цинне. Человек, которого вы только что видели – не кто иной, как граф Окстьерн – один из самых враждебных королю сенаторов во время революционных событий 1772 года.[2] Когда настали спокойные времена, он вновь запятнал себя беспримерными злодействами. И вот его, уже осужденного по закону, вызывает король и, памятуя о ненависти, которую тот не раз выказывал ему прежде, говорит: «Граф, мои судьи приговорили вас к смерти… Несколько лет назад вы собирались поступить

[2] Здесь уместно напомнить, что во время этой революции король был на стороне народа, а сенаторы выступили против народа и короля. *(Прим. авт.)*

со мной также. Именно поэтому я дарю вам жизнь. Я желаю доказать вам, что сердце того, кого вы считали недостойным трона, все же не лишено добродетелей». Окстьерн падает к ногам Густава, проливая потоки слез. «Я рад был бы иметь возможность полностью избавить вас от наказания, – продолжает государь, поднимая его с колен, – однако тяжесть ваших преступлений не позволяет мне сделать это. Посылаю вас на рудники. Это не доставит вам счастья, но, по крайней мере, сохранит вам жизнь… А теперь уходите». И Окстьерна отправляют туда, где вы его недавно встретили. Ну что ж, нам пора, – добавил Фалькенейм, – уже поздно. Письмо Окстьерна захватим по дороге.

– О, сударь! – воскликнул я, обращаясь к своему проводнику. – А не провести ли нам здесь еще недельку? Вы настолько разожгли мое любопытство, что я не выйду теперь из этого подземелья, пока вы не расскажете, что же обрекло этого несчастного на вечное погребение. Допустим, он совершил преступление. Однако лицо его необычайно интересно. Этому человеку нет и сорока лет, не правда ль?.. Хотелось бы вновь увидеть его на свободе. Мне кажется, он смог бы восстановить свое честное имя.

– Восстановить честное имя? Нет, для него это невозможно, нет, никогда. – Ради бога, сударь, удовлетворите мое любопытство.

– Хорошо, я согласен, – ответил Фалькенейм, – к тому же недельный срок даст и ему время разобраться со своей перепиской. Надо передать ему, чтобы он не торопился. Пройдем во внутреннюю комнату, там нам будет спокойней, чем посреди улицы… Признаться, я не испытываю никакой радости от того, что мне предстоит поведать вам все начистоту. Ведь мой рассказ наверняка разрушит то чувство жалости, что внушает вам этот негодяй. Я бы предпочел, чтобы он не терял вашего расположения, а вы по-прежнему пребывали в блаженном неведении.

– Сударь, – сказал я Фалькенейму, – прегрешения этого человека позволят мне лишь лучше понять его. Для того я и путешествую, чтобы познавать людей. Чем дальше отодвинул он препоны, навязанные законами общества или природы, тем интереснее мне постичь его душу, тем более достоин он возбудить и внимание мое, и сочувствие. Добродетель алчет поклонения. Ей в удел достается признание… Ей пристало быть окруженной почетом. Если ее последователи гонимы – тысячи рук раскрываются им навстречу. От виновного же все отворачиваются… стыдятся оказать ему поддержку или пролить за него слезы сострадания, его сторонятся, точно прокаженного, его словно вычеркивают из всех сердец. Его не спасают во имя человеколюбия, а лишь осуждают, потворствуя собственной гордыне. Существует ли личность более примечательная, нежели тот, кто с вершины почестей внезапно проваливается в пучину невзгод, кто был рожден для милостей фортуны, а ныне принимает лишь ее удары… кто угнетаем бедами и нуждой, и чье сердце раздираемо уколами совести и укусами отчаяния? О дорогой мой друг, именно такой человек достоин моей жалости. Я не стану повторять вслед за глупцами: «Это его вина» – или за черствыми душами, пытающимися оправдать собственное ожесточение: «Он слишком виновен». Ах! Какое мне дело до того, что он преступил, что он презрел и что он свершил! Он – человек, а значит он по природе слаб… он преступник, он отверженный, и мне его жаль… Говорите же, Фалькенейм, говорите, я сгораю от нетерпения вас выслушать.

И мой почтенный друг начал свое повествование в следующих выражениях:

– В начале нашего века один немецкий дворянин католического вероисповедания, по неким причинам, не имеющим ничего общего ни с бесславием, ни с позором, вынужден был покинуть свою родину. Зная, что хотя в Швеции и осудили заблуждения папистов, но относятся к ним на наших землях вполне терпимо, он решил поселиться в Стокгольме. Молодой, статный, интересующийся военным делом и жаждущий славы, он понравился Карлу XII и был удостоен чести сопровождать его во многих походах. Он участвовал в злополучной битве под Полтавой, следовал за королем при отступлении под Бендерами, разделил с ним

и турецкое заключение, и возвращение в Швецию. Когда в 1718 году страна лишилась своего короля-героя, погибшего у стен Фредериксхолла в Норвегии, Сандерс (так звали упомянутого мною дворянина) уже дослужился до чина полковника. Он переехал в Норрчёпинг – небольшой торговый город в провинции Эстергетланд, расположенный в пятнадцати лье от Стокгольма. Городок этот стоит на канале, соединяющем озеро Веттерн с Балтийским морем. Сандерс женился, у него появился сын, который впоследствии добился признания при дворе Фредерика I и Адольфа-Фредерика. Он продвинулся исключительно благодаря личным заслугам, дослужился до того же звания, что и отец и ушел в отставку, будучи еще молодым, решив обосноваться в своем родном Норрчёпинге. Там он, как и отец, взял в жены дочь одного небогатого негоцианта, которая умерла через двенадцать лет после того, как произвела на свет Эрнестину, коей и предстоит стать предметом нашей истории.

Три года назад Сандерсу было не более сорока двух лет, дочери же его минуло шестнадцать, и она по праву слыла одной из первых красавиц Швеции. Высокая, достойная кисти живописца, с гордым благородным лицом, огненными черными глазами и длинными волосами того же цвета – такой тип красоты редко встречается на наших широтах. И при этом – великолепная белоснежная кожа. В ней справедливо находили отдаленное сходство с прекрасной графиней де Спарр, прославленной подругой нашей ученой Кристины Августы.

Едва юная Сандерс достигла означенного возраста, сердце ее сделало свой выбор. Нередко она слышала от матери жалобы о том, как тяжко молодой женщине, обожающей своего супруга, переносить его бесконечные разъезды по долгу военной службы. И Эрнестина с одобрения отца решила отдать предпочтение Герману[3] – своему единоверцу, готовившему себя к карьере на ниве коммерции. Молодой человек проходил обучение в банке господина Шольца – самого известного негоцианта Норрчёпинга и одного из богатейших людей Швеции.

Герман происходил из семьи того же сословия. Он потерял родителей в раннем возрасте, и отец перед смертью успел порекомендовать его своему старинному компаньону Шольцу. Итак, Герман жил в доме Шольца. Благодаря благоразумию и старательности он заслужил его полное доверие и несмотря на свои двадцать два года, после смерти бездетного патрона, в его ведении оказались все деньги и ценности этого торгового предприятия. Но с той поры юный Герман оказался в зависимости от вдовы Шольц. Это была высокомерная и властная женщина. Несмотря на распоряжения покойного супруга относительно Германа, она, похоже, не замедлила бы избавиться от этого молодого человека, если бы тот не пожелал безропотно отвечать ее видам и чаяниям. Что же до Германа – он, казалось, был точно под стать Эрнестине. Столь же привлекательный как мужчина, сколь прекрасна она была собою как женщина, он пылал к ней равною страстью. Такой приметный юноша несомненно должен был понравиться сорокалетней и еще не утратившей свежести вдове Шольц. Однако не было ничего удивительного и в том, что Герман, чье сердце безраздельно принадлежало другой, не отвечал взаимностью на любовь своей патронессы. Подчас он догадывался о ее чувствах, но осмотрительно не подавал о том виду.

В то же время неравнодушное отношение вдовы к Герману тревожило Эрнестину Сандерс. Она знала госпожу Шольц как женщину смелую, предприимчивую, нрава ревнивого и вспыльчивого. Подобная соперница беспокоила ее необычайно. Более того, Эрнестина осознавала, что для Германа она далеко не столь же блестящая партия, как вдова Шольц. Со стороны полковника Сандерса – никакого приданого. Правда, покойница мать оставила небольшое наследство. Но разве шло оно в сравнение с тем огромным состоянием, которым могла одарить своего юного кассира Шольц?

---

[3] Важно предупредить читателя, что все буквы в именах северных стран произносятся четко, и вместо нашего небрежного Эрман, Сандер, Шольс следует проговаривать Герман, Сандерс, Шольц и т. д. *(Прим. авт.)*

Сандерс одобрял выбор дочери. Он обожал свое единственное чадо и, зная, что Герман не беден, умен, хорошо воспитан и сверх того, владеет сердцем Эрнестины, был весьма далек от мысли чинить препятствия столь подходящему устройству будущего дочери. Однако фортуна не терпит длительного благополучия. Похоже, ей доставляет удовольствие нарушать самые благоразумные планы человека, дабы тот сумел из такого рода непоследовательности извлечь преподанный ему урок: никогда и ни на что не рассчитывать, ибо в основу мироздания заложено два нерушимых закона – неустойчивость и беспорядок.

– Герман, – говорит как-то раз вдова Шольц возлюбленному Эрнестины, – вы уже достаточно изучили торговое дело, чтобы принять самостоятельное решение. Деньги, оставленные вам родителями, благодаря заботам моего супруга и моим собственным, весьма выгодно помещены. Вы прекрасно обеспечены и теперь вольны распоряжаться своими средствами по собственному усмотрению. Почему бы вам не зажить своим домом, мой друг? Мне же хотелось бы вскоре отойти от дел. При первом удобном случае мы можем произвести наши взаимные расчеты.

– Я всегда к вашим услугам, сударыня, – говорит Герман. Вам известна моя надежность и бескорыстие. Я настолько же спокоен за мои ценности, находящиеся у вас, насколько вы можете быть уверены в сохранности ваших, доверенных мне в управление.

– Неужели у вас, Герман, еще нет никаких планов устройства вашего будущего? – Я еще слишком молод, сударыня.

– Ваши года – не помеха. Вы вполне способны заинтересовать какую-нибудь зрелую здравомыслящую женщину. Уверена, когда-нибудь вы непременно составите ее счастье.

– Прежде чем на что-то решиться, мне хотелось бы нажить себе состояние. – Жена поможет вам это осуществить.

– Когда я женюсь, оно уже должно быть нажито, с тем чтобы я мог всецело посвятить себя моей супруге и моим детям.

– Значит, не существует женщины, которую бы вы предпочитали всем остальным?

– Есть только одна в мире женщина, которую я люблю как мать, и я готов служить ей до тех пор, пока она соизволит принимать изъявления моей преданности.

– Я благодарна вам за ваше отношение, друг мой, однако речь идет о чувствах совсем иного рода, о тех, что необходимы для вступления в брак. Еще раз спрашиваю вас, Герман, нет ли у вас на примете особы, с которой вы стремились бы разделить вашу судьбу?

– Нет, сударыня.

– Отчего же тогда вы постоянно бываете у Сандерса? Отчего проводите столько времени в доме этого человека? Он – военный, вы – негоциант. Вам следует встречаться с людьми вашего звания и не общаться с теми, кто к нему не принадлежит.

– Сударыня, вы знаете, что я католик, полковник – мой единоверец. Мы собираемся для совместных молитв… и посещений отведенных нам часовен.

– Я никогда не оскорбляла вашу религию, хотя сама и принадлежу к другой вере. Я абсолютно убеждена в бесполезности всей этой нелепой болтовни в любой форме ее проявления, вы это знаете, Герман, как и то, что я никогда не притесняла вас на этот счет.

– Да, это так, сударыня! Однако уверяю вас, что причина моих встреч с полковником кроется исключительно в общности наших религиозных взглядов.

– Не лукавьте, Герман. Я угадываю истинную причину столь частых визитов, вам просто не хватает смелости открыться мне. Вы влюблены в Эрнестину… ту девчонку… Весь город болтает о ней, как об одном из чудес Швеции, а по-моему, в ней нет ни красоты, ни ума… Да, Герман, вы влюблены в нее… влюблены, я знаю, что говорю.

– Надеюсь, сударыня, что Эрнестина Сандерс положительного мнения обо мне… это девушка благородного происхождения… Известно ли вам, сударыня, что ее дед, полковник Сандерс, друг Карла XII, принадлежал к знатному дворянскому роду Вестфалии?

– Да, мне это известно.

– И что же! Как по-вашему, сударыня, такую партию можно считать для меня подобающей?

– Ее можно назвать совершенно неподобающей, уверяю вас, Герман. Вам нужна женщина взрослая, способная правильно распорядиться вашим состоянием и приумножить его, словом, женщина моих лет и моего положения.

Герман заливается краской и отворачивается… В эту минуту подали чай, и беседа прервалась. После завтрака Герман приступил к работе.

На следующий день Герман отправляется к юной красавице Сандерс.

– Дорогая моя Эрнестина! – говорит он ей. – Слишком очевидно, что эта безжалостная женщина имеет на меня виды. Не осталось никаких сомнений. Вы знаете ее нрав, ее ревнивость, ее безграничное влияние в нашем городе.[4] Теперь я по-настоящему встревожен, Эрнестина.

Тут появился полковник, и влюбленные поделились с ним своими опасениями.

Сандерс, будучи опытным военным и человеком весьма здравомыслящим, старался всячески избегать осложнений и неприятностей. Он сразу понял, что оказывая Герману покровительство, он вскоре восстановит против себя Шольц, а также всех влиятельных друзей этой женщины. И он счел своим долгом посоветовать молодым людям покориться сложившимся обстоятельствам. Он попытался объяснить Герману, что вдова, от которой зависит его судьба, на самом деле куда более выгодная партия, чем Эрнестина, и что в его возрасте богатство следует ценить гораздо выше красоты.

– Только не подумайте, дорогой мой, – продолжал полковник, – что я отказываю вам в руке моей дочери… Я хорошо знаю и уважаю вас, вы владеете сердцем той, кого так любите. Я согласен на ваш брак, не сомневайтесь, но я был бы в отчаянии, если бы толкнул вас на путь разочарований. Вы оба так молоды. В ваши годы не думают ни о чем, кроме любви, воображая, будто в ней заключен смысл жизни. Но это заблуждение. Без богатства любовь чахнет. И выбор, сделанный исключительно по любви, вскоре оборачивается горьким раскаянием.

– Отец мой, – воскликнула Эрнестина, бросаясь к ногам Сандерса, – высокочтимый мой родитель, не отнимайте у меня надежды принадлежать моему любимому Герману! Еще в далеком детстве вы пообещали, что он будет моим мужем… Мысль об этом составляет главную радость моей жизни, вырвать ее из моего сердца – значит убить меня. Я уже срослась с этой привязанностью, мне всегда отрадно было видеть, что чувства мои одобряются вами, отец мой. Уверена, что и Герман почерпнет в своей любви ко мне силы для отпора домогательствам этой Шольц… О отец, не оставляйте нас!

– Поднимись, дочь моя, – сказал полковник, – я люблю тебя… обожаю… раз Герман составляет твое счастье, и чувства ваши взаимны, не волнуйся, дорогая дочь моя, у тебя никогда не будет другого супруга… в конце концов, он ничего не должен этой женщине; честность и рвение Германа на службе должны вызвать в ней лишь признательность, и он вовсе не обязан ей в угоду приносить себя в жертву… только нужно постараться ни с кем не ссориться…

– Сударь, – воскликнул Герман, обнимая полковника, – вы позволите мне называть вас отцом, ведь обещания, только что вырвавшиеся из вашего сердца, делают меня вечным вашим должником!.. Да, я сделаю все что в моих силах, чтобы оправдать ваше доверие. Вся жизнь моя отныне будет посвящена вам и возлюбленной дочери вашей, лучшие минуты мои будут потрачены на утешение вашей старости… Не беспокойтесь, отец мой, мы не наживем

[4] Норрчёпинг – чисто торговый городок, где такая женщина, как госпожа Шольц, стоящая во главе одного из богатейших торговых домов Швеции, безусловно, должна была пользоваться огромным влиянием. *(Прим. авт.)*

врагов. Я не подписал ни одного долгового обязательства с Шольц. И верни я ей ее счета в самом надлежащем виде и затребуй обратно свои собственные, что она сумеет на это возразить?..

– Ах, друг мой! Ты не понимаешь, кому осмеливаешься бросать вызов! – отвечал полковник, взволнованный каким-то необъяснимым предчувствием. – Нет преступления, на которое не пошла бы злобная женщина ради того, чтобы отомстить за пренебрежение избранника к своим чарам. Оскорбленная вдова обрушит на наши головы отравленные стрелы своей ярости. И вместо цветущих роз, на которые ты, Герман, так надеешься, она заставит нас всех собирать ветви кипариса.

Весь остаток дня Эрнестина со своим возлюбленным пытались успокоить Сандерса. Стараясь развеять его печаль, они рисовали ему картины их будущего безмятежного счастья. Ничто не сравнится по убедительности с красноречием влюбленных. Они владеют логикой сердца, которая всегда превосходит логику ума. Герман отужинал у своих задушевных друзей и ушел от них рано утром с душой, преисполненной радостных надежд.

Прошло три месяца. Вдова больше не возобновляла объяснений, Герман же сам не решался заговорить о разделении их средств. Полковник давал понять молодому человеку, что отсрочка эта была вполне оправдана. Эрнестина была еще очень молода, и он, как заботливый отец, хлопотал о присоединении к скромному приданому дочери наследства ее тетушки, некой вдовы Плорман, живущей в Стокгольме. Тетушка была уже очень стара и в любой момент могла переселиться в мир иной.

Тем временем нетерпеливая и наблюдательная Шольц заметила смущение своего молодого казначея и решила нарушить молчание первой. Она спросила, размышлял ли он о предмете их последнего разговора.

– Да, ответил возлюбленный Эрнестины, – если речь идет о представлении счетов и о разделении средств, о котором вы тогда упоминали, сударыня, то я к вашим услугам.

– Если я не ошибаюсь, Герман, речь шла не только об этом.

– О чем же еще, сударыня?

– Тогда я спрашивала, не желаете ли вы устроить свое будущее и не остановили ли вы свой выбор на женщине, способной помочь вам вести дом.

– Мне кажется, я ответил, что прежде чем жениться, хотел бы нажить некоторое состояние.

– Да, вы это говорили, Герман, однако я вам не поверила. И даже сейчас выражение вашего лица выдает неискренность вашей души.

– Ах! Никогда душа моя не была запятнана фальшью, сударыня, и вы хорошо об этом осведомлены. Я живу подле вас с ранних лет. Вы великодушно заменили мне мать, которую я потерял в детстве. У вас нет оснований тревожиться, что признательность моя по отношению к вам когда-нибудь ослабеет или угаснет.

– Опять вы о признательности, Герман. Мне хотелось бы добиться от вас чувств более нежных.

– Но, сударыня, в моей ли власти?..

– Предатель! Вот что я заслужила, несмотря на всю свою заботу! Твоя неблагодарность все проясняет. Да, теперь вижу… я трудилась зря… чудовище… больше не стану таиться, с тех пор, как я овдовела, я стремлюсь к браку с тобой одним, Герман… Порядок, в который я привела твои дела… то, как выгодно я поместила твой капитал… мое к тебе отношение… Мои глаза, не раз выдававшие меня, все это… все с достаточной ясностью подтверждало тебе мою страсть. И вот как ты мне за нее отплатил, коварный! Презрением и равнодушием!.. О Герман, ты не представляешь, какой женщине наносишь оскорбление… Нет, ты не знаешь, на что она способна… может, еще узнаешь, но будет слишком поздно… Уходи сейчас же… да, уходи… подготовь свои счета, Герман, я верну тебе мои, и мы расстанемся… да,

расстанемся… тебе не нужно будет беспокоиться о крове, дом Сандерса уже несомненно готов принять тебя.

Госпожа Шольц настолько вышла из себя, что наш юный влюбленный почувствовал, что ему необходимо тщательно скрыть огонь своей любви, дабы не навлечь на полковника гнев этой опасной мстительной особы. Герман ограничился лишь ласковыми уверениями, что его покровительница ошибалась, и что его нежелание жениться прежде чем он составит себе состояние, никак не связано с планами соединения с полковничьей дочерью.

– Друг мой, – отвечала госпожа Шольц, – я знаю ваше сердце лучше, чем вы сами. И явное ваше отдаление объясняется тем, что вы воспылали к другой. И хотя я уже не в первом цвете лет, ощущаю в себе достаточно привлекательности, чтобы найти супруга. Уверена, вы бы непременно полюбили меня, Герман, если бы не эта омерзительная девчонка. Но ничего, я еще отомщу ей за ваше пренебрежение.

Герман вздрогнул. Было очевидно, что несколько стесненный в средствах отставной полковник Сандерс не мог пользоваться в Норрчёпинге таким же влиянием, как вдова Шольц. Могущество вдовы простиралось далеко за пределы этого городка, в то время как полковника уже позабыли, он не появлялся в свете, а в Швеции, как, впрочем, и везде, человека оценивают лишь исходя из его связей или его богатства. Так что отныне полковника можно было приравнять к обычному частному лицу, чьи деньги и авторитет без труда могли быть уничтожены. И госпожа Шольц, подобно всем низменным душам, не преминула бы этим воспользоваться.

Герман сделал над собой еще одно усилие, чтобы не выдать себя, и бросился к ногам госпожи Шольц. Он умолял ее успокоиться, уверял, что в сердце его нет никаких чувств, способных повредить той, от кого он видел столько добра, и что он просит не думать больше о расставании, которым она ему грозила. Шольц понимала, в каком смятении находится сейчас молодой человек и не рассчитывала на большее. И, понадеявшись на время и на силу своих чар, унялась.

Герман не замедлил сообщить полковнику о недавней беседе. Мудрый Сандерс, не перестававший тревожиться из-за тяжелых последствий озлобления такой опасной противницы, как Шольц, снова попытался убедить молодого человека уступить домогательствам патронессы и отказаться от Эрнестины. Но двое влюбленных опять употребили все свои силы на то, чтобы напомнить полковнику его обещания и уговорить его никогда от них не отступаться.

Прошло полгода, а положение дел все не менялось, пока граф Окстьерн – негодяй, которого вы только что видели в оковах, надетых на него год назад и призванных сопровождать его до конца жизни – не отправился из Стокгольма в Норрчёпинг, дабы вступить во владение значительным состоянием согласно завещанию отца, поместившего свои капиталы у госпожи Шольц. Осведомленная, что граф, как и его недавно почивший отец, занимал пост сенатора, вдова подготовила лучшие в своем доме апартаменты, намереваясь принять Окстьерна со всей роскошью, какую только может себе позволить владетельница стольких богатств.

Граф прибыл. На следующий же день гостеприимная хозяйка дала в его честь торжественный ужин с балом, где должны были присутствовать самые красивые женщины города. Не позабыли и об Эрнестине. Узнав, что его возлюбленная приняла это приглашение, Герман встревожился. А вдруг при виде столь прекрасной персоны граф пожелает воздать ей достойные ее красоты почести? Сумеет ли он, Герман, противостоять такому сопернику? И случись такая беда, найдет ли в себе силы Эрнестина отвергнуть предложение стать женой одного из влиятельнейших сеньоров Швеции? Из-за этого рокового бала может сложиться враждебный союз против Германа и Эрнестины, возглавляемый могущественными Окстьерном и Шольц. И тогда, кто знает, какие невзгоды выпадут на долю Германа? Сумеет ли он, слабый и

незащищенный, бороться против вооруженных противников, сговорившихся его погубить? Он поделился своими раздумьями с возлюбленной. Тонкая чувствительная девушка готова была пожертвовать легкомысленными развлечениями ради сохранения своих чувств и предложила Герману отклонить приглашение Шольц. Молодой человек был согласен с ее решением. Но в этом узком кругу порядочных людей ничего не делалось без одобрения полковника Сандерса. С ним посоветовались и на этот раз. Он придерживался иного мнения. Ему представлялось, что отказ от приглашения Шольц неизбежно повлечет за собой разрыв с ней. Эта ловкая женщина тотчас разгадает причины подобного поведения. Не стоит идти на открытое обострение отношений именно сейчас, когда настолько важно держаться с ней настороже.

Тогда Эрнестина высказала своему возлюбленному, насколько он заставляет ее страдать из-за подобных страхов и подозрений.

– О друг мой, – сказала прекрасная девушка, сжимая пальцы Германа, – там соберутся самые могущественные лица Европы, неужели же все они вдруг воспылают к твоей ненаглядной Эрнестине? Разве способны столпы общества воздать почести кому-либо, кроме самого сильного из них? Ах, Герман, тебе нечего опасаться. Та, что принадлежит тебе, никогда не полюбит другого. Если ради того, чтобы быть с тобой, потребуется жить в рабстве – что ж, я предпочту такую участь самому престолу. Никакие земные блага на заменят мне счастье быть рядом с моим возлюбленным! О, как ты себя недооцениваешь, Герман. Как можешь ты вообразить, что взгляд мой может приметить на балу кого-то, кто мог бы сравниться с тобой! Пусть мое сердце само назначит тебе истинную цену, и поверь, ты навеки останешься самым дорогим и любимым для меня на свете человеком.

Герман осыпал бесчисленными поцелуями руки возлюбленной. Он перестал упоминать о своих тревогах, хотя и не до конца от них избавился. Предчувствия влюбленного мужчины редко обманывают его. Все же Герман постарался их подавить. Итак, несравненная Эрнестина появилась на балу у Шольц, точно роза среди прочих цветов. Одежды ее воскрешали в памяти древние убранства, какие носили женщины ее прародины Скифии. Ее благородные черты еще больше оттенялись необычным нарядом, стройный гибкий стан подчеркивался плотно прилегающим жилетом без складок, обрисовывая пленительные формы. Прекрасные волосы развевались над колчаном со стрелами, в руках она держала лук… Она похожа была на Амура, переодевшегося в наряд Беллоны, и казалось, каждая из стрел, которые она с такой грацией носила на себе, попадет точно в сердце, навеки поработив его своей божественной властью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.